Рассказ скачан на сайте http://eromo.org

Название: Оборотень. Часть 3: Первые шаги на морском поприще

«Как хорошо быть генералом... « слова из песни..

Командование факультета знало о прибытии нового курсанта по рекомендации высокого кремлевского начальства. И, хотя это не являлось новинкой, так как на факультете уже числился и внук самого Суслова Александр, сын Виктор главкома ВМФ Кузнецова и адмирала Слуцкого и многих других высокопоставленных лиц, но протеже самого Берии было встречено особо. Начальник факультета, убеленный сединами капитан первого ранга любезно пригласил Эрика сесть, справился о здоровье его матери и детей и, повернувшись к замполиту факультета подполковнику Сухейко, вежливо спросил: — Вы как представляете, Павел Александрович, втянуть в общественную работу этого молодца?

- Я думаю, Сергей Николаевич, нагрузить его обязанностями комсорга роты. Работа, прямо скажу, не из легких, но зато почетная...
- А учебе это не помешает? натянуто улыбнулся начфака.
- Что вы, Сергей Николаевич! Для такого доброго молодца, да еще золотого медалиста, в самый раз. Кстати, у нас в его роте, кроме Суслова и Скутского, будет учиться некто Хованский, сын одного из тех, ткнул замполит пальцем в небо, очень толковый парень, вот он и поможет Эрику, став его заместителем...
- А, вы, не возражаете, юноша? формально спросил начфака.
- Нет! Товарищ капитан первого ранга! вскочил со стула Эрик, отметив про себя поразительное сходство лица начфака с лицом Юзека.
- Ну, и ладненько. Ступайте в роту, знакомьтесь, входите в курс дела, включайтесь в наш дружный коллектив, улыбнулся начфака удивительно крепко для своих преклонных лет, пожавших руку курсанту.

Когда осенью сняли и казнили самого Берию, то Эрик слегка поджал хвост, боясь, что это может отразиться и на его личности, но к его удивлению, отношение окружающих к нему начальников было подчеркнуто вежливым и внимательным. Он, конечно, не знал, что и тут, наверняка, помог ему его бывший друг Юзек, который в облике ненаглядной Лили, шепнул мысль намекнуть мужу, как человеку, которого лично знал сам Сталин, шепнуть кое-кому в верху, чтобы это политическое событие не задело ее ненаглядного курсанта. Ее Гиви тут же позвонил кому надо и успокоил жену положительным ответом. Лили была счастлива тем, что носила под сердцем будущего ребенка, отцом которого был Эрик, а по документам Гиви.

- Потом, в будущем, его друзья интересовались, как же тогда его минула чаша сия, на что Эрик, улыбаясь, тихо отвечал:
- Мир не без добрых людей...

И он был прав. Даже на его факультете вдруг объявилась у него заботливая подруга в лице преподавателя английского языка, которая до того влюбилась в этого высокого с задумчивым взглядом свеловолосого юношу, что то и дело приглашала его на дополнительные занятия после лекций в свой кабинет. Зоя Михайловна, тридцатилетняя блондинка с голубыми глазами была неотразима по части своих интимных устремлений. Она так и говорила своей подруге из другого отдела, что если она захочет, то гору свернет, а своего обязательно добьется. И она этого добивалась. Еще бы! Какой мужчина смог бы устоять, видя в прорезе ее юбки красивое женское бедро, явно призывающее к тому, чтобы на него легла теплая ладонь

молодого человека. А когда она шла по коридору, то глядевшие ей вслед отмечали не только работающие, как поршни в двигателе, ее опьяняющие взор ягодицы, но и краешек белых трусиков, слегка мелькающий из-под юбки. На ее успехи по части обольщения мужчин, модница Зоя только улыбалась в ответ, гордясь своей неотразимостью. На первом же дополнительном занятии она подошла сзади к сидящему за столом и быстро записывающему ее слова Эрику, взяла его голову за подбородок, опрокинула ее навзничь и так быстро впилась в его губы своими губами-пъявками, что он не успел и слова сказать. Затем она подошла к двери и закрыла ее изнутри. Повернувшись к опешившему юноше, она быстро сняла юбку и трусы и пошла на него, как солдат в бою на амбразуру дота. Подойдя, быстро сняла с него брюки и трусы, и села на него лицом к лицу, вставив, куда надо его воспрянувшего «молодца».

- А если кто войдет? трусовато спросил он, отрываясь от очередного удушающего поцелуя.
- В это время за последние пять лет сюда никто никогда не входил, усмехнувшись, ответила нахалка.

Они работали так энергично, что через полчаса стул не выдержал и развалился прямо под ними.

- Какая непрочная мебель! возмутилась Зоя.
- Да. Халтуркина работа, поддержал ее юноша, помогая ей застегивать крючки юбки. Он хотел было уже взяться за свои штаны, как вдруг Зоя положила ладонь на его плечо.
- Не торопись! Еще не вечер... она стала перед ним на колени, прямо на упавшую газету и раздвинула пошире ноги. Она тяжело вздохнула и оделась губами на его плачущего белыми слезами молодца.
- Вкусно? иронически спросил он.
- Узнаешь, когда я солью тебе нечто подобное прямо в рот.
- Может, попробуем сейчас?
- Нет. Уже поздно. Тебе на ужин пора. В следующий раз...

И такие разы вскоре вошли в их обычную практику, за исключением тех дней, когда у нее, как она выражалась, был «цветной телевизор». Вот тогда они так зубрили английский, что к концу первого курса он уже свободно говорил на нем, чем доказал всем полезность дополнительных занятий и глубокие знания талантливого преподавателя.— протянула девочка и тут же ретировалась...

- Не западай на таких! Зойка строго одернула Эрика, властно прижав к себе его чуть было не протянутую руку...
- А что? Она ничего..., возразил было Эрик, но, глянув на Зойку тут же осекся. Ты чего?! Зой?...
- А того. От таких недолго и на конец намотать...
- А она такая миленькая...
- Вот именно... Этим и тралит дураков...
- ... Когда спустя час, он шепнул Зойке на ухо, что хочет в туалет, она тут же сама его провела.
- Будут приставать, гони их в шею! напутствовала она.

Но в туалете было мирно и тихо, если не считать сопение пар, занимающихся сексом. Почти у каждого писсуара было по паре с уткнутой головой девицы почти в писсуар и быстро работающими голыми задами кобелей...

Чтобы не мешать трудящимся, Эрик вошел в кабинку и совершил свой обряд. Едва

оторвавшись от цепких рук какой-то бабы, он вылетел из кабинки и ринулся к двери. Там стояла на товсь Зойка.

- Это она порвала?! хмуро спросила она, дернув за порванный рукав форменки и кивнув в сторону выходящей девки.
- А черт его знает? Там их много, что крокодилов в болоте... хмуро ответил Эрик, почувствовав, что это не то место, которое он рисовал в своем воображении по сценам из кинофильма «Серенада солнечной долины». Когда он поделился этой мыслью с Зойкой, та насмешливо улыбнулась:
- Что? Уже надоело?
- Поедем к тебе из этого ада... И зачем ты сюда меня притащила?
- Для науки, Чтобы знал, что к чему. А этот клуб для забугорного плебса.
- A что есть и другие такие клубы?
- У них есть все! Есть и другие: для культурных людей и господ высшего общества. Жаль, что не могу тебе показать...

Они взяли такси и понеслись по прямым улицам города. Ему казалось, что после этого ада ночного клуба, он попал в рай, до того красивым и великолепным ему показался ночной Питер. Он пытался сравнить этот ночной клуб с танцами в его училище и понял о несравнимости этих мест. Сверкающий зал в училище с танцующими парами ему показался балом у короля с прекрасной Золушкой и адом, в котором почему-то все время маячила хитрая морда улыбающегося Юзека...

- ... Они лежали в ванне с плавающими лепестками роз. Ее стройные ножки лежали у него на плечах. Зойка прикрыла глаза длинными ресницами, и он тут же отметил, что это настоящие ее ресницы, а не бутафорская наклейка. Ее пухленькие губки манили его, и он любил их целовать, особенно в те моменты, когда она грозно манипулировала ими, показывая правильное произношение английских слов.
- До чего же хороша! мысленно восторгался он, видя, как медленно дышит ее грудь. « Вот была бы замечательной женой!» — думал он, понимая, что невозможно будет потом увязывать такую большую разницу в возрасте. У нее был разведенный сорокалетний капитан дальнего плавания, который боготворил Зойку, и она, казалось, любила его и изменяла ему только для поддержания своей сексуальной формы. Зоя и не думала посягать на этого юношу, годящегося для закабаления узами брака, но только не с ней. Она была приверженцем свободной любви, и презирала цепи брака, которые потом могут стать его оковами. Любовь должна сама дышать в теле человека, горя от искорки его до бушующего костра пламени, но все это должно происходить само собой, а не по принципу: «не бросишь палку — погаснет», как иногда выражались курсанты. Она любила секс и часто им занималась. Она считала секс неотъемлемой частью любви, и не понимала лицемеров, называя добрый секс развратом, особенно среди политработников, которые судили других, а сами занимались сексом, переходя все границы приличия. Взять того же замполита Сухейко, который, улыбаясь, мог погладить ее опъянительную ягодицу и отстал от нее после слов; «Не шалите, дедушка». Зойка иногда и шалила. Лежа сверху на Эрике, она заставляла его выговаривать наиболее трудные английские слова, подтверждая правильность легким нажатием на его член своим волшебным женским органом, и выдергивая его, если произношение было неправильным. Эрик потом, много лет спустя, смеялся над этим методом, но и правды ради, отмечал его эффективность. А сейчас они нежились в теплой воде, он целовал ее колени, пальчики ног,

подбираясь все выше к ее небольшой, но такой упругой с бархатной кожей груди, а когда припадал к ее губам, то понимал, что такое настоящее счастье, которое тут же заканчивалось, когда она отстранялась от него, еле переводя дыхание. Но сегодня в клубе было слишком много отрицательных эмоций и ему хотелось их выплеснуть в бешеном, грубом сексе, чтобы впредь они были только тихими и прекрасными. И он чувствовал, как звереет. Теперь он слегка покусывал ее губы и шею, пока не сделал на шее мощный засос.

Он испугался, поймав себя на мысли из архангела стать демоном, но к его удивлению красавица приняла этот «укус» как должное. Она быстро встала, молча заставив его тоже встать и сесть на краешек ванны. Она опустилась на коленки и наехала подрагивающими губами на его торчащий член. Она стала энергично что-то отсасывать у него, глотая слюну, затем повернулась к нему задом, наклонилась и прошептала: «Давай! Жги!». И он начал работать на обе дырочки в такт к встречным движениям. Они сопели и мычали вместо слов, прекрасно понимая друг друга. Затем он развернул ее, прижал за плечи книзу, усадив на ванну и так саданул членом в губы, что на одной из них появилась кровь. Это привело его в бешенство. Он тыкал членом ей в глаза, рот, уши и дрожал, как от дикой лихорадки, а она сносила все это, ловя на ходу брызгающую в лицо сперму. Он опять развернул ее к себе задом и вбил член в ее драгоценное гнездышко со всей силой. Там что-то чавкнуло и он, не выдержав, рассмеялся.

- Что там?! грубо спросил он...
- Воздух! Без которого жизни нет! засмеялась она, и тут же вздрогнула от мощного потока воды из душа.
- Что это?! смеясь. спросила она...
- Смываем грехи сегодняшнего дня, улыбнулся он, и схватив ее за шею, так крепко поцеловал в растянутые губы, что чуть не задушил свою любимую учительницу. Эдуард Зайцев.